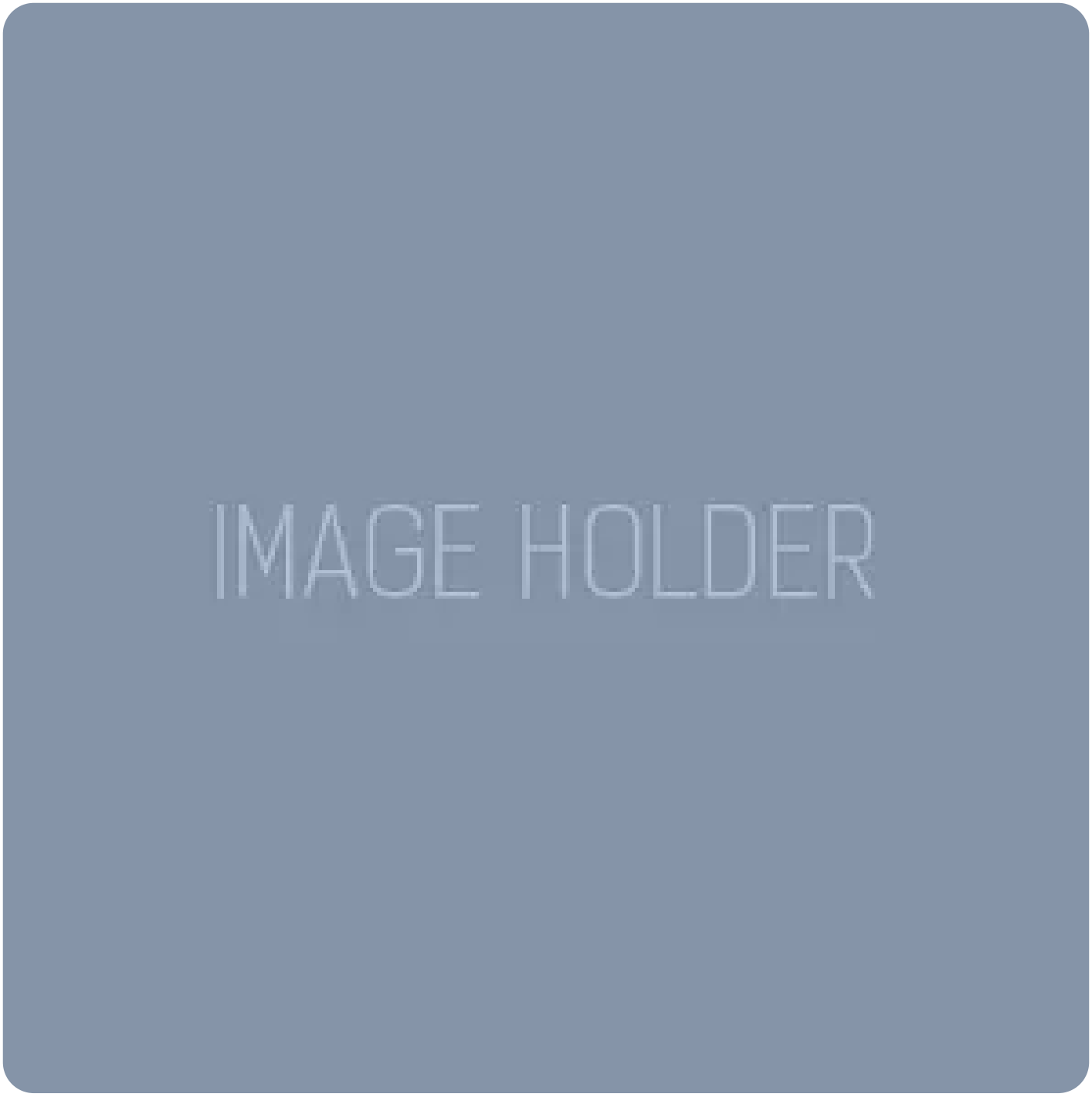

Бурятские предания

Жанр произведения: Фантастика

Произведение написал автор BookBox Ида Пресс

Ссылка на публикацию

История дикой степи

Уже к концу июня степь стала желтолицей, а ведь ещё недавно изумрудный её покров радовал взоры табунщиков, в начале весны приехавших в эти дикие места. В предрассветные часы земля дышала в полную силу, наслаждаясь не ушедшей ещё негой ночи и предчувствуя оглушительный дневной зной. Так и было: сначала от земли поднимались в воздух струйки пара, а затем трава пригибалась, чтобы хоть немного удержать от испарения капли росы на стеблях. Травяной покров колыхался, тревожимый лишь слабыми порывами утреннего ветерка и снующим туда-сюда мелким степным зверьём, спешащим в последний час перед иссушающим зноем добыть себе пропитание. Всё живое в степи предчувствовало мёртвую тишину долгого летнего дня. Иногда казалось табунщикам, что они застряли в безвременье, что сама история людская обходит их степной приют стороной, - настолько тиха и неподвижна становилась степь в дневные часы. Но это была иллюзия.

В августе 1237 года Бату-хан с огромным войском монголов и кипчаков подошёл к великой реке Итиль. Уже была пройдена большая часть пути к землям урусутов, и хан повелел сделать большой привал в степи.

- Будем варить шурпу и пить кумыс,- сказал он приближённым начальникам туменов и нукерам из личной сотни. – Кто знает, когда еще мы сможем отдохнуть. Пошлите по отряду из каждой тысячи в степь, пусть пригонят для пира жеребцов и баранов из половецких кочевий. Тех, кто не захочет отдать скот и подчиниться мне, убейте.

Никто не удивился ханскому приказу. По правде сказать, это было в те времена обычной практикой, - ведь воины отважного Бату не были пастухами, их дело было жить, сражаться и погибать ради ханской славы и власти, а остальное житейское относилось к мелочам походной жизни. Вечно голодных нукеров не нужно было уговаривать искать пищу. К вечеру в степи загорелись тысячи костров, и к аромату горьких степных трав примешался запах варёного мяса. Вернулись все посланные отряды, и только сотня однорукого багатура Сундэ пропала,- не вернулся ни один человек из его отряда.

Ночью из степи пришли четыре чёрных от пыли нукера, повалились в ноги начальнику тысячи и завопили о несчастье, постигшем их товарищей. Они зашли за курганы к югу от великого караванного пути и поскакали к долине, показавшейся им обитаемой. Проехав полдня, они не встретили ни одной живой души, даже степные лисицы и сурки не повстречались им на пути.

Всадники спустились в низину у смрадного оврага. Их мучила жажда, но никто - ни кони, ни люди- не решился пить жёлтую тухлую воду. Нукеры спешились и повели лошадей под уздцы. Лощина, где они оказались, показалась им мёртвой

и зловещей. Они пошли по каменистому берегу, не надеясь уже повстречать здесь живую душу и помышляя только о возвращении в лагерь. Гнилой ручей, питавший овраг, сделал вдруг крутой поворот в сторону каменной пещеры. На её пороге сидел мальчик, одетый в богатое персидское платье. Нукеры подошли поближе и увидели, что это был не мальчик, а безобразный карлик, с лицом таким же зелёным, как тина в овраге. Он не мигая посмотрел на них, и холод наполнил сердца воинов.

- Оставьте коней у входа и проходите внутрь, - приказал карлик. – Долго же я ждал вас! Вам оказана великая честь - я приглашаю вас на ужин. Вы наедитесь здесь до конца ваших жизней, а кому повезёт, - старик зло захихикал,- тот возвратится домой и расскажет близким об этом вечере.

Никто из нукеров не отважился спросить у карлика, кто он и что он делает один в этом пустынном месте. Они прошли в пещеру. Жилище карлика оказалось холодным гротом. В глубине его был виден крутой подъём из каменных ступеней, заканчивавшийся совершенно отвесной стеной, которая уходила вниз на бог весть какую глубину. Вдалеке, где-то у края подъёма, был слышен шум, как будто великан с грохотом швырял в бездну камни. Карлик поманил нукеров, и они пошли за ним по каменной лестнице. Они едва различали силуэты идущих впереди товарищей, - в пещере была непроглядная тьма. Неожиданно карлик остановился и отпрянул в сторону. Три нукера, шедшие следом за ним и так внезапно потерявшие его из виду, шагнули вперед и с криком упали в бездну, а карлик, вынырнувший из мрака, оглядел сбившихся в кучу на краю пропасти воинов и загнусавил:

- Не будем думать о них. Если они были храбрецами, Сульдэ уже принял их, и они вечно будут пребывать в его летучей рати, не видимой для живых. А если они лишь жалкие трусы, тем более не стоит их вспоминать! Их слабые тени будут блуждать по берегу сонного ручья, в тоске по живым и не принятые мёртвыми. Даже последняя степная крыса не позавидует им. А сейчас я приглашаю вас на ужин. Ведь вы, конечно, голодны.

Сказав это, старик ринулся на стоящих ниже нукеров, и те в ужасе побежали вниз по лестнице. Скудные отблески мерцающего света, шедшего из глубины грота, временами выхватывали их фигуры из мрака, создавая огромные тени на стенах, и пещера от этого казалась еще призрачней и ужасней.

Посредине грота нукеры едва разглядели каменный круглый стол, по-восточному низкий. Поверхность его была гладкой и блестящей, словно зеркало. Ровный свет, шедший от него, приковал взгляды нукеров, и они, как зачарованные, окружили стол и уставились в его мерцающую волшебным огнём

столешницу. Четырём из них не хватило места за столом, и они встали позади товарищей. Вот чудесный свет вспыхнул особенно ярко, и нукеры, стоявшие позади всех, увидели, как зеркало стало пожирать отражения тех, кто имел несчастье взглянуть на него. В немом ужасе они наблюдали, как одновременно с отражениями исчезают и сами смотревшие в зеркало: оно медленно поглощало их головы, руки, и они, ещё живые, исступленно вопили, видя, как живьём съедает их адский свет. Нукеры, оставшиеся невредимыми, сумели оторваться от жуткого зрелища и в полном беспамятстве ринулись к выходу из пещеры. Карлик злобно кричал им вдогонку, что они не уйдут от него, но те его не слышали, - ноги сами понесли их к дороге, ведущей в степь, вон из зловонной лощины. Никто из них не помнил, как прибежал в лагерь.

Выслушав рассказ нукеров, начальник тысячи рассвирепел.

- Значит, багатур Сундэ, которого сам Бату назвал своим братом, погиб от рук какого-то урода, прячущегося от людей?- спросил он.

- Это так, наш господин, - ответил один из нукеров.

- Ни одно из слов, которые я услышал от вас, не может быть правдой. Вы, собаки, просто бросили свою сотню, а затем лишились коней и оружия, - наверное, свора таких же, как и вы, трусливых бродяг напала на вас в степи и отобрала всё. А теперь вы в страхе за свои жалкие жизни всё свалили на какого-то карлика! А ну-ка,- тысячник обратился к двум дюжим нукерам своей охраны,- взять этих псов, отрезать по уху и дать сотню палок каждому! Если подохнут, туда им и дорога, - мне не нужен безлошадный сброд!

Тысячник ожидал, что после его слов эти четверо завоют в один голос, как это обычно происходило с теми, кого приговаривали к подобному наказанию. Но, вопреки его ожиданиям, нукеры лишь молча понурили головы и вздохнули, как показалось тысячнику, с облегчением. Ничего подобного он никогда не видел в своей жизни. Хан задумался на минуту, а затем спросил нукеров, отчего же они не воют и не просят у него пощады. Тогда один из них встал с коленей, вышел вперёд, почти поравнявшись с ханом, и, глядя прямо ему в глаза, сказал:

- Я видел, как мёртвое отражение пожирает живого человека, и этот человек кричал так, что и покойники, будь они там, встали бы из своих могил. Я видел, как смерть ест жизни моих товарищей. Неужели ты думаешь, мой начальник, что после такого меня испугают какие-то палки и отрезанное ухо? Да прикажи ты сейчас меня повесить, мне всё равно будет лучше тех, кого сожрали заживо!

Его товарищи согласно закивали головами и стали просить хана поскорей наказать их, чтобы боль на время затмила их жуткие воспоминания. Тысячник

решил, что эти лживые собаки, видимо, накурились в степи сонной травы, а сейчас наплели ему про то, что привиделось им в их воспаленных от дурмана головах. Но не могло же всем четверым привидеться одно и то же! К тому же никто из сотни, кроме этих оборванцев, не вернулся в лагерь. Как бы там ни было, а без злого духа здесь не обошлось. Тысячник решил отпустить всех четверых с миром, обязав их достать лошадей к началу переправы через Итиль.

Вскоре вся разноплемённая орда Бату переправилась через реку и пошла на Рязань. Они разграбили множество русских городов, встречая где смятение русских, а где и отчаянную их смелость и готовность погибнуть за свой дом, изумлявшие татар. Четверо нукеров, избежавших смерти в убежище карлика, сражались отчаянно, с каким-то холодным исступлением, чем заслужили смешанное с неосознанным страхом уважение своих товарищей.

Они словно искали смерти, но та не брала их. Под Козельском один из них кинулся на копья русских, и татары, засевшие в осаде за холмами, с замиранием сердца ожидали увидеть воздетое на острия копий его мёртвое тело. Но случилось невероятное - ни одно копьё не угодило в него, и он живым и невредимым очутился у стен города. «Он сын злого духа, - шептались после боя нукеры,- или сам Сульдэ дал ему защиту, потому что ни один человек не избежал бы смерти, окажись он на его месте». Сам же герой ходил мрачнее тучи и на вопросы товарищей о причинах своего отчаянного поступка не отвечал, лишь мотал головой и клял вполголоса какого-то урода, оставившего ему жизнь.

«Ты остался жив - радуйся!- говорили ему. – Хан наградит тебя за твою храбрость».

И в самом деле, тысячник дал ему за отвагу хорошего коня и кольчугу убитого русского дружинника, но этот щедрый подарок не обрадовал странного нукера. До самого окончания похода в земли урусутов не раз ещё он проявлял отчаянную смелость, но всегда оставался невредим. Удача в бою словно шла за ним, и он вернулся домой с четверкой подаренных ханом коней, в богатой одежде и со славой лучшего конника тысячи.

Дома доблестный воин повёл себя еще более странно, чем в походе. Он обзавёлся тремя молодыми женами, но семейной жизни как будто был не рад, несмотря на ласку и заботы своих юных красавиц. Соседи втайне завидовали его благополучию, а он ходил угрюмый и вечно чем-то недовольный. С родными он бранился по каждому пустяку, детей, которых у него народилось семеро, не баловал отеческой заботой и частенько даже поколачивал. Дети стали избегать сварливого и скорого на расправу отца и после каждой очередной взбучки бежали в слезах к своим матерям, вопя на всё кочевье, что в их родителя

вселился бродячий дух.

Родители несчастного нукера всё же жалели его, рассказывая соседям, что он не в себе от всего пережитого в походе. И действительно, он вёл себя всё более странно. Часто он стал уходить один к далёким курганам и там проводил два-три дня; это повергало домочадцев в неописуемый ужас. Что он там делал, никто не знал. Однажды Ильдар, младший его сын, мальчик ласковый и приветливый, попросил отца взять его с собой к курганам.

- Не возьму, ступай к своей матери, а лучше займись лошадьми, - буркнул ему нукер мрачно.

- Отец, не отказывай мне,- одному ведь там жутко, а я боюсь за тебя, - умолял мальчик.

- Ступай, говорю тебе! И не хнычь напрасно! Я не желаю тебе своей судьбы, пусть урод только из меня высосет жизнь, а ты живи, как живут все!- прокричал он сыну с яростью и в гневе хлестнул его плетью по руке.

Мальчик взвыл от боли и обиды и побежал прочь от отца, крича ему на бегу, чтобы отныне он не смел называть его сыном и что не родился ещё на свет человек глупее его.

Когда Ильдар скрылся из виду, отец сел на землю, уставился бессмысленным взглядом себе под ноги и зарыдал. Волна безнадёжной тоски захлестнула его, и он впервые за долгие годы дал волю слезам, не сдерживая себя.

- Мой любимый сын назвал меня дураком,- говорил он сам себе сквозь слёзы. – Пусть так! Лучше будет, если он вовсе забудет меня!

Нарыдавшись, он встал, отряхнул пыль со своего нарядного чапана и пошёл в сторону курганов. С той поры никто его не видел.

Прошли годы, и люди стали постепенно забывать дикого своего соседа, пропавшего без вести. Шаман, живший отшельником неподалёку от улуса, однажды ушёл в дальнее кочевье к больному табунщику. Вернувшись, он рассказал людям, что табунщик умер от невиданной болезни. Этот несчастный будто бы увидел у подножия курганов странного всадника. Табунщик подъехал поближе, чтобы рассмотреть его, и остолбенел от ужаса. Всадник смерил его мёртвым взглядом, стегнул плетью коня, и тот понёс своего седока в сторону холмов, окутанных предрассветным туманом. Табунщик клялся и божился, что чем дальше от него удалялся призрачный всадник, тем огромнее он казался, как будто бы тень, отбрасываемая им в блеклом свете луны на землю, увеличивала в

размерах его самого.

В беспамятстве табунщик вернулся домой, слег и, едва дождавшись шамана, испустил дух. Но перед смертью он успел рассказать шаману о своём видении.

- Это наш Тенгиз,- зашептались люди, когда шаман закончил свой рассказ. – Точно, это он, пропащая душа! Искал покой на этом свете, но и на том не нашёл его.

Шаман, услышав эти разговоры, вдруг страшно рассвирепел.

- Дурачьё вы несчастное!- заорал он на своих соплеменников. - Будь моя воля, поотрезал бы всем вам ваши глупые языки! Это не какой-то там Тенгиз, а сама чёрная чума объявилась, и если вы не прекратите болтать попусту, она приберёт всех вас, уж не сомневайтесь. Расходитесь сейчас же, и если я услышу от кого-нибудь из вас хоть слово про мёртвого всадника - берегитесь! Хан сдерёт с вас живых шкуру, а я не скажу ни слова в вашу защиту.

Угрозы шамана подействовали, и кочевники в страхе разбежались по улусу. Степь, покрытая ярким ковром молодой травы, в одно мгновение помертвела в глазах людей, испуганных страшным предзнаменованием. Первыми пришествие чумы заметили мальчишки, помогавшие родителям пасти табуны. Они разглядели в густой траве мёртвых лисиц и крыс. Сначала их было немного, но к концу недели степь стала напоминать огромный могильник под открытым небом,- так много лежало в ней мёртвых животных. В первое утро после полнолуния задул восточный ветер. Он нагнал в степь тучи бурого песка и земли, и от зелёного степного покрывала за час ничего не осталось - всё покрыл густой пыльный слой, укрывший останки мелких зверей. Когда же буря затихла, люди с облегчением вздохнули, но никто из них ещё не знал, что дышат они уже отравленным чумой воздухом. Вскоре безжалостное поветрие добралось и до них. Чума без разбора выкосила всё степное кочевье, не пощадив ни ханского рода, ни простых табунщиков. Край вольного ветра на долге годы обезлюдел. Даже птицы сторонились его, и лишь изредка мёртвую тишину степи нарушали тревожные крики сокола или чёрного ворона, по неосторожности или незнанию залетавших в это убитое место.

Чума ринулась во все стороны от погубленного кочевья, выискивая места, где было особенно многолюдно и грязно. Таких мест, по правде сказать, в то время было предостаточно, - кому было какое дело до чистоты и соблюдения нехитрых правил, которые смогли бы уберечь неразумных и просто несчастных от дуновения смерти. В зловонных китайских городишках, граничивших со степными улусами монголов, было чуме где разгуляться. Эти городки населял в

основном всякий сброд, желавший вольной жизни или прятавшийся от властей. Они не ценили жизнь вообще, убивая по поводу и без повода, грабили залётных купцов с немногочисленной охраной и одиноких контрабандистов, которые останавливались на ночлег в дешёвых постоялых дворах, пропитанных от потолка до земляных полов разнообразными оттенками человеческой и животной вони. Убивал этот сброд легко и быстро, тут же напивался и счастливо засыпал на полу в притонах или же просто под открытым небом, благо ночи в летнюю пору здесь были тёплые. Кто же из этих бродяг, преступников и беглых солдат мог знать, что невидимая стража дьявола лучше всяких властей знает своё дело! Многие из них уже не просыпались. Живые ещё бродяги лениво обходили их трупы, не обременяя себя утомительной пустой работой по преданию земле остывших тел вчерашних своих собутыльников, - они полагали, что крысы и псы, вечно голодные, лучше них справятся с этой задачей. И вправду, уже к вечеру от трупов ничего, кроме костей, не оставалось, и вечно пьяные балаганы, наполненные до предела человеческими отбросами всех мастей, продолжали свой жуткий пир, как будто и не видели они смерти товарищей своих неизвестно от чего.

Набравшаяся сил чума торжествовала и понеслась на всех парах на запад, в богатые людьми и животными страны. Внутреннего Китая ей было уже мало, - что там брать ещё, кроме старых доходяг, которые сами вот-вот помрут если не от чумной горячки, то от простого голода. Все здоровые ещё нестарые крестьяне в ужасе удрали на юг, подальше от зловонных мест, остались только те, кто не мог даже простым шагом уйти от всепожирающей заразы. Чума захватывала уже земли урусутов и придунайские области, устремляясь с бешеной скоростью к западным и северным окраинам континента. Люди, скот, дикие звери – всё пожиралось ею, всё исчезало в дымке времени, не давая отпора, потому что ещё раньше заразы поглощалось страхом, животным ужасом, который парализовал лучше и быстрее змеиных укусов. Ужас порождал своих чудовищ, которые тоже требовали пищи, и вот уже в некогда сытых городах Европы запылали костры, вознося к Создателю чумные бараки и курганы, собранные из трупов.

Кто радовался этому карнавалу смерти? Вороны, крысы, бродячие псы, - радость их была недолгой, и внезапная полнобрюхая сытость от мертвечины так же внезапно прекращалась предсмертными корчами, сопровождаемая диким визгом и почти человеческим плачем.

На исходе 1300-го года отряд уйгуров забрёл в мёртвую степь, чтобы собрать верных Орде конников для похода в полночные страны. Ни одна живая душа не встретилась им, зато уйгуры увидели множество белевших в высокой траве людских скелетов в истлевшей одежде. Уйгуры ужаснулись дикости степняков,

оставивших мертвецов без погребения, повернули коней на восток и умчались прочь. Через два дня бешеной скачки они встретили верблюжий караван торговцев-арабов, тащившийся в самом хвосте огромного войска ордынцев. Уйгуры заговорили с братьями по вере про дикое место в степи, но арабы лишь качали головами и тихо о чём-то перешептывались между собой. Старик-араб сказал перепуганным уйгурам, чтобы они забыли навсегда увиденное в мёртвой степи.

- Это место должно быть забыто всеми,- сказал он так спокойно, как будто услышанное ничуть не удивило его.

- Но почему же?!- вскричали сердито уйгуры. - Ответь нам, старик, что за шайтан так зло посмеялся над нами?

- Часто тот, кто знает мало, живёт счастливей мудреца, - ответил старик. - А имя того, кто так напугал вас, я не скажу. Аллах велик, но человек слабей своих желаний, и где ему тягаться с тем, кто питается ужасом. Забудьте всё и будьте счастливы.

Уйгуры решили, что старик не в своем уме, раз несёт такую чушь, но всё же благоразумно согласились меж собой забыть увиденное. Так убитая степь с её призраками была забыта людьми на столетия, и больше никто не нарушал её покой.

Лишь тогда хороша летняя ночь в степи, когда стихнут континентальные ветры с востока, несущие пыль и песок, когда трава, поникшая за день под испепеляющим солнцем, вновь напитается влагой от земли и ночного тумана, - тогда только всё живое в степи преображается и молодеет, и спешит за короткие предрассветные часы насладиться негой ночи. Отважному монголу, пасущему свой полудикий табун, некогда любоваться ожившей степью, но и он, очарованный красотой ночи, то и дело опускает поводья и смотрит недолго вдаль, вдыхая полной грудью воздух, напоённый ароматом трав. Всё его богатство заключается в юрте и кривоногой кобыле, и он, верный табунщик хана, не всегда ел досыта, зато изрядно мёрз в зимней степи и коченел от дикого ветра, - но разве важно всё это в такие минуты! Сейчас, в темноте ночи, он хозяин всего этого простора, и никто не в силах помешать ему радоваться жизни. Вдруг лошадь под ним зафыркала и попятилась назад, и раздосадованный монгол зло хлестнул её плетью. Что встревожило её, всегда полусонную и ленивую, и как посмела она так глупо пресечь его душевный восторг? Монгол всмотрелся в тёмные холмы впереди, но ничего не увидел там. Прошло мгновение, и вот табунщик, посмотрев мельком в сторону, оцепенел от ужаса. Тело его окаменело, руки судорожно вцепились в лошадиную гриву, и он,

готовый дико закричать, не смог прошептать ни слова, - во рту стало сухо, а язык и гортань словно обожгло адским пламенем. Из темноты на него надвигалась тень огромного всадника. Табунщик увидел его безобразное лицо, лишённое человеческого подобия, его пустые глазницы, сверкавшие невиданным зелёным огнём, и разум и сознание оставили его. Он словно отстранился от самого себя и наблюдал, как жизнь выходит из него, поглощаемая дьяволом на коне.

Ковыль, примятый к земле дуновением ветра, ещё не успел подняться, а табунщик был уже мёртв.

Утром кривоногая кобыла притащила к юрте безжизненное тело своего молодого хозяина. Мать вышла на порог, ожидая встретить сына, но, взглянув на седока, увидела мёртвого сморщенного старика, а не полного сил юношу, каким был её сын.

Но это был её мальчик, её дорогой ненаглядный сын, - материнское сердце сказало ей об этом. Она с плачем обняла его мёртвое тело и, лишившись чувств, упала на землю под ноги кобылы. На шум из юрты выскочило всё многочисленное семейство несчастного юноши. Они увидели мать, валявшуюся на земле без сознания, мёртвого седока на кобыле и завопили все в один голос. На их крики собрались соседи, вмиг взявшие в плотное полукольцо пространство перед юртой. Они шептались, изумленно глядя на невиданное и страшное зрелище: ещё вчера этот табунщик драл глотку, распевая песни, а сегодня они видели перед собой мёртвого старика, настолько дряхлого, что даже старая кляча под ним казалась юной кобылкой.

Внезапно шёпот и шушуканье стихли. Люди расступались, давая кому-то дорогу. Когда же полукруг пятившихся назад кочевников стал достаточно широк, все замерли как по команде. Все уставились на шедшую к мёртвому седоку старуху, одетую в какое-то немыслимое тряпьё, тощую, как жердь, с кожей цвета пересушенного кизяка. Волос на голове у неё почти не было, к тому же она курила трубку, держа её скрюченными пальцами, подобно ястребу, вцепившемуся когтями в свою жертву. Старуха оглядела всех долгим взглядом, цокнула языком и заговорила на удивление чистым и высоким голосом:

- Что это вы тут собрались все? Галдите, как безмозглые квочки, будто у вас и дел нет никаких, кроме как чесать своими глупыми языками! Живо убирайтесь отсюда, расходитесь по домам! Нечего глазеть на то, чего вы не понимаете, пустоголовые верблюды. Вечером, перед заходом солнца, соберитесь все в юрте, что стоит у ручья, - вы её знаете. А сейчас чтобы духу вашего тут не было!

Кочевники, услышав старухины слова, побежали к своим юртам, словно ошпаренные. Они боялись её больше самого хана. Все знали, что она шаманка и живет за курганами, но сколько ей лет, не знал даже самый древний старик в кочевье. Говорили только, что она знала самого Бату.

Вечером, как и наказывала шаманка, в заброшенную юрту у ручья собрались все жители кочевья, от мала до велика. В юрте воцарилась тишина.

Старуха ближе всех подсела к низкому очагу, разложив вокруг себя свои тряпки и узлы, затем неспешно набила чёрную трубку, разожгла её и глубоко затянулась. Сделав три затяжки, она выхватила из огня головёшку и очертила вокруг себя круг. Вспышки огня в очаге стали крупнее и резче, а сладковатый дым от старухиной трубки густой пеленой накрыл всё убогое жилище, так что старуха вскоре перестала различать лица жавшихся друг к другу насмерть перепуганных людей. Она встала лицом к выходу из юрты и заговорила на каком-то тарабарском наречии, никому из собравшихся не известном.

- Акира, хочу говорить с тобой, - сказала она, повернувшись к очагу и вперив взгляд в самую середину огня. Сознание её унеслось далеко от кочевья, в мёртвую степь, где в балке у зловонного ручья сидел на камне тот, к кому она обратилась.

- Глупая баба, ты играешь со смертью, - прошипел с ненавистью карлик, встретившись взглядом со старухой, которая ворожила за сотни верст от него.

- Знаю, - ответила она и хихикнула. - Боится тот, кто не знает, а мне ведь всё давно известно. Ты довёл до безумия моего деда, - он спрыгнул с кургана на копья, и они проткнули его, как барана. Но это всё же было лучше, чем постоянно видеть твою образину. Страх съел его заживо, хотя он и считался храбрецом среди людей.

- Да, - кивнул согласно Акира. - Ты, ведьма, знаешь, о чём говоришь. Я знавал многих храбрецов среди вашего брата, что бежали от меня так, будто пятки им жгла земля. Тем четверым, среди которых был твой дед, жизнь казалась хуже смерти.

Акира разразился жутким смехом и даже подмигнул старухе, желая, как видно, продолжения разговора.

- Говори, что тебе нужно, - сказал он. - Ты знаешь мою природу: загадай любую глупость, и я исполню её, иначе же я не отстану от тебя.

- Всё знаю, и не думай, что сможешь обмануть меня, - ответила старуха. - Я не желаю бродить по свету с головой, забитой кошмарами. Слушай же: я хочу, чтобы ты покинул это место. Ступай туда, откуда ты явился. Зачем тебе наша бедная степь? Вспомни, как наслаждался ты беспечной жизнью в роскошной Персии, как хорошо тебе было в аравийской пустыне! Оставь нас. Ищи другое место для себя, а пищу, пока жив человек, ты всегда себе отыщешь!

Акира взвыл от охватившей его ярости. Не мог он перечить старухе: та обвела его вокруг пальца, словно неразумного младенца. Он окинул прощальным взглядом свои жуткие владения, погрозил шаманке кулаком и гнусаво затянул:

- Хорошо же, старая карга, ты посмеялась надо мной! Знай теперь, что весь твой глупый род проклят мною! А я ещё вернусь сюда и отомщу за обиду.

Он волчком закрутился на месте, а затем взмыл вверх в клубе пыли и грязи. Мгновение ещё было видно в предрассветном тумане, как удаляется на запад живое проклятие этого места, а после всё исчезло.

Старуха облегчённо вздохнула. Дело было сделано: злой дух оставил её несчастный народ. Последним словам Акиры она не придала значения, хотя знала, что он никогда не забывает обид.

«Будь что будет, - прошептала она. - От судьбы не уйдёшь».

Судьба, благосклонная к старухе-шаманке, и вправду оставила в покое мирное кочевье. Продолжался покой несколько веков, и табунщики почти забыли ужас, терзавший их предков в далёком прошлом. Какие ещё привидения огромных размеров с мёртвыми глазами и гримасами вурдалаков? Эти сказки из прошлого уже даже детей не сильно пугали. Но всё же загадочную лощину за далёкими курганами люди объезжали стороной. Не нужны были им сюрпризы от потустороннего мира, хватало на их веку и обычных житейских забот.

Новость издалека

Студент-математик Алексей Соболев собирался провести остаток каникул в молодёжном кемпинг-городке под Оренбургом, как вдруг совершенно неожиданно для него двоюродный брат прислал ему телеграмму. Брат сообщал, что ждёт Алексея с друзьями к себе в гости, в богом забытое кочевье в южной Сибири. Алексей поморщился, - ему хотелось солнца и комфорта, а брат зовёт его в степную ветреную глушь, где зимой видна лишь бесконечная снежная

равнина, а летом резкие ветры приминают к земле скудную траву. Лишь пологие курганы и каменные идолы оживляют эти дикие места. Идолы бессмысленно-страшно смотрят в никуда, пугая редких кочевников да мелкое зверьё.

Странно: Алексей словно предчувствовал приглашение брата и был готов немедленно ехать, хотя понимал всю бессмысленность этой затеи. Как будто чья-то чужая воля подавила в нём внутреннее сопротивление, и он с удивлением отметил про себя, что не в силах отказаться от странного приглашения.

Он позвонил друзьям с предложением поехать в далекий сибирский край. Трое его товарищей, на удивление, сразу же согласились поехать с ним. Сборы были недолгими. Уже утром следующего дня четверо друзей ожидали в аэропорту борта на Улан-Удэ, а вечером брат Алексея, Эльгер, молодой человек с лицом Будды, встречал их у здания местной гостиницы.

- Переночуете здесь, а утром поедем ко мне. Я ждал тебя, Алексей, - сказал Эльгер и крепко пожал брату руку.

Эльгер и Алексей с друзьями направились ко входу в гостиницу. У её дверей сидел потрепанный худой старик в грязном малахае и пел тягучим голосом что-то бесконечно однообразное. Эльгер подошел к старику и заговорил с ним. Минуту спустя тот энергично затряс головой, видимо, соглашаясь с Эльгером в чём-то. Когда брат отошёл от старика, Алексей спросил, о чём они говорили.

Эльгер ответил:

- Этот старик - самый почитаемый у нас шаман. Он приехал в город вчера, а до этого две недели провёл в степной пещере и беседовал с духами. Ни один человек, кроме него, не может этого сделать. У него нет семьи, а родни много. Все члены нашего кочевья приходятся ему родственниками.

- Значит, у меня есть родственник-шаман? - полушутя переспросил Алексей.

- Не относись к этому несерьёзно. Твой дух ещё не проявил себя, - ответил Эльгер.

Вдруг старик взбудораженно затараторил на своём отрывистом наречии, взъерошил грязные патлы на голове и принялся размахивать руками, показывая Эльгеру на Алексея.

- Что он тебе говорит? - спросил Алексей.

- Говорит, что на тебе его печать.

- Какая ещё печать? Чья?

- Печать карлика. Теперь он не отпустит тебя.

- Что за чушь?! - возмутился Алексей. - Ты вызвал меня в эту тьмутаракань, а ведь я мог прекрасно отдохнуть с друзьями! Теперь ты мне рассказываешь про каких-то духов, - мне, кто полжизни просидел за компьютером и щёлкает дифференциальные уравнения как семечки! Слышать не хочу эти сказки.

Эльгер печально улыбнулся. Маска Будды вновь застыла на его лице, и больше он не сказал ни слова.

Алексей же, поняв, что погорячился, виновато взглянул на брата. Он неожиданно для себя вспомнил самые сильные свои детские страхи и с удивлением отметил, что большинство их связано именно с родиной Эльгера.

Как же так получилось?

В детстве он три раза посещал эти места. Приезжал с родителями к многочисленной родне матери и одну-две недели жил жизнью степняка, почти аборигена, не отягощённого обычными нудными хлопотами горожанина. Первые две поездки он по малости лет практически не запомнил, а третью, последнюю, помнил почти до мелочей, - настолько яркими и жуткими были картины и образы из того долгого лета.

XXX

Помнил, что мать держала его за руку, боясь, что он убежит далеко от дядиной юрты или, не дай бог, попадёт под конские копыта и покалечится. Табун полудиких скакунов пасся совсем близко от кочевья, и никто из табунщиков и не думал присматривать за детьми, полагая, что такая опека только портит прирождённых наездников.

Лёше только первые часы было интересно наблюдать за табуном, а затем ему это надоело, и он громко заявил дядиной семье, что хочет обратно в Москву, в квартиру, где есть горячая вода, электричество, телевизор, кухня, в которой бабушка печёт ему блины по утрам. Что он, городской мальчик, забыл в этом пыльном ауле, в котором даже магазина нет?

- У нас не аул, а село, и магазин есть, только он не здесь, а у клуба, - возразил Эльгер, Лёшин кузен, мальчик двенадцати лет от роду, который был всего на

полгода старше него, но вёл себя как взрослый, что Лёшу страшно задевало.

- Ну и что? – не сдавался Лёша. – Я, по-твоему, должен быть рад, что с голоду не умру?

Он сел на своё место у походного мангала, надулся и решил ни с кем вообще не разговаривать, - кроме мамы, конечно.

- Да ладно тебе обижаться, брось, - примирительно сказал Эльгер, - вот завтра пойдём к ручью вместе. Увидишь, какая у нас красота.

«Сам на свою красоту любуйся, а меня не трогай. Тоже мне, юный натуралист, от горшка два вершка, а туда же», - подумал Лёша, но вслух ничего не сказал, посчитав, что ссориться ему с братом невыгодно.

Ладно, как-нибудь он проживёт здесь неделю. Перекантуется, подышит кизяком, поест сухарей, а там и обратно в Москву.

Вся семья села обедать. Еда казалась Лёше ужасно невкусной – слишком солёной, слишком жёсткой и тяжёлой. «Как они это едят вообще? – думал он. – Ужас, такое можно только под наркозом в себя принимать».

Только от чая с молоком и козьего сыра он не отказался, а остальное с рёвом и возмущением отверг.

- Не привык ещё мальчонка к нашей еде. Ничего, войдёт во вкус и за обе щёки уплетать будет, - успокоил всех дядя.

Лёша пулей вылетел из юрты. Небо из утреннего голубого превратилось в бирюзовое, солнце палило вовсю, и мальчик решил поискать место с хорошей тенью, где можно было укрыться от надвигающейся жары.

- Не найдёшь ты здесь ничего подходящего, - услышал он за спиной голос Эльгера.

- Откуда ты знаешь, что я ищу? – изумился Лёша.

- А чего тут знать-то? Я и сам не прочь сейчас полежать в теньке, а не париться в юрте. Пойдём, я знаю тут одно место.

Они шли по поселковым пыльным дорогам, временами ныряли в узкие проулки между саманными избами и кошарами, от которых шёл густой овечий дух, и вновь выходили на большак, который заканчивался где-то за посёлком, у редколесья, разросшегося по берегам мелкой местной речонки, которую все называли почему-то Козлиной Лужей.

- Вот здесь не так жарко, даже прохладно, - сказал Эльгер, когда они вошли в ольшаник на речном берегу.

- Да, - согласился с братом Лёша. – Здесь можно хоть до вечера пробыть. А рыба здесь есть? А то можно было бы и порыбачить, если бы мы удочки с собой прихватили.

- Да нет здесь никакой рыбы. Зато раки есть.

- Ого! Так это ещё лучше! Наловим их, суп сварим.

- Ничего ты здесь не поймаешь, только зря тиной обмотаешься, - расстроил Эльгер брата. - Давай здесь посидим просто, а потом веток для коз наломаем, и обратно домой.

- Почему мы одни здесь? Что, все по домам сидят и мух считают?

- Лучше мух считать, чем от козлов убегать.

- Каких козлов?

- Каких, каких. Не знаю я каких. А только лучше поостеречься от всяких сюрпризов. Целее будешь.

- Ты говоришь загадками, братец. А ну выкладывай, что знаешь, а не то я тебя и поколотить могу!

- Меня?! Ну-ну. Ты же у нас известный силач, - Эльгер хмыкнул саркастически и показал руками длину воображаемой палки, которой Лёша собирался его поколотить.

Мальчишки сцепились в шутливой схватке, повалились на траву и перекатывались, силясь сесть на противника верхом, - но оба лишь сопели от натуги, не в силах вырваться из дружеских объятий.

Вдруг Эльгер, бывший в тот момент на спине, как-то нехорошо оцепенел и весь заострился, глаза его расширились, и бледность разлилась по лицу.

«Беж-и-и-и-им, беж-и-и-и-м отсюда, - почти неслышно прошелестел он губами, как будто не мог говорить из-за внезапного удушья, - тикаем!»

Вдалеке послышался переливчатый звон пастушеских колокольчиков. Он приближался осторожно, будто играл с кем-то, и звук этот не внушал ничего тревожного и опасного, а только вызывал обычный житейский интерес: кто это там идёт и что он делает один в лесной чаще?

Лёша слез с оцепеневшего Эльгера, встал, отряхнулся и повернулся в сторону приближающегося звона, ожидая увидеть какого-нибудь пастушка и его коров или коз, но вместо этого увидел нечто странное, что заставило его даже отступить на несколько шагов.

К ним медленно и важно шёл козёл, - как показалось Лёше, был он ростом с высокого человека, потому что шёл не на четырёх ногах, как делают все козлы, а на двух задних, и при этом передними своими ногами действовал, как человек руками, иногда трогая ими густую аккуратную бородку или очёсывая закрученные в спираль рожки на голове. Выглядело это настолько буднично, что Лёша в первые мгновения даже не испугался, а только изумился увиденному.

Но вот прошло изумление и наступил ужас – липкий, противный, пробивающий тело дрожью. Не помнили мальчики, как они бежали, как оказались у своей юрты.

Дома никого не было, но это было для них даже лучше, - никто не увидел их истерики, случившейся сразу, как только они оказались в относительной безопасности и стали понимать, что ужас пережитого остался позади.

Лёша вдруг почувствовал зверский голод. С совершенно диким остервенением набросился он на съестное, которое оставалось от прошедшего обеда: в ход пошли холодное мясо – варёная баранина и говяжья жареная печёнка, ржаные лепёшки и картофель, запечённый в тандыре, тоже холодный; даже солёный дикий лук, который он всегда с пафосом игнорировал, тоже пошёл в дело и был съеден на ура.

Эльгер смотрел на кузена со смесью удивления и восхищения.

- Что это с тобой? Ты же ничего из этого никогда не ел. Понимаю – страх заедаешь, - предположил он в раздумье.

- Ничего я не заедаю, - ответил Лёша со злостью. – Просто проголодался, чего непонятного?

- Да всё понятно! Я же просто так спросил.

- Ещё спрашивает он, умник колхозный! Тебе вообще лучше молчать сейчас, а не то я и вправду побью тебя. Ты зачем потащил меня в этот лес?! Ведь знал же, что там делается!

- Ничего я не знал. Что я знать мог? – оправдывался Эльгер.

- Ну ты и штучка! А кто мне сказал про козлов, прежде чем я одного из них увидел?!

- А, вот ты про что, - Эльгер облегчённо выдохнул, - так у нас про это все знают. Я и сам думал, что эту байку про козлов сочинили местные пьянчужки.

- Ничего себе байка! По-твоему, мы кого там увидели?

- Не человека, это точно. Но и козлом я его не назвал бы.

- Ах ты, капитан очевидность! Я рад за тебя. Тогда чего ты так испугался? Ведь дело обычное: козёл расхаживает по лесу, как курортник, и знать не знает, почему это все от него стрекача дают!

- Погоди, Лёш, не кипятись. Я попробую объяснить, хотя сам мало что знаю про это. – Эльгер заговорил спокойно и тихо, не подбирал торопливо слова, как обычно это делают люди, пытающиеся что-то скрыть от собеседника.

Лёша почувствовал, что брат говорит правдиво, и уже без агрессии поторопил его:

- Ну же, выкладывай, что знаешь!

- В Козлиную Лужу ходила у нас вся пьянь поселковая. Это было давно – лет восемь назад, я тогда совсем малой был. Ходили и ходили, да и чёрт бы с ними, кому они там мешали. А только однажды их как ветром оттуда сдуло. Батя рассказывал: прибежали из леса три алкаша с выпученными глазами, у магазина сели на корты и давай орать, что их чуть козлиный царь не съел. Кто алкашам поверит-то? Мало ли что им с пьяных глаз могло привидеться. Они бы и мамонтов там разглядели, если бы ещё больше накачались колхозки.

- Какой колхозки?

- Так у нас самогон местный называют.

Лёша прыснул, залился звонким смехом, и брат за ним зашёлся в веселье. Но Эльгер решил далеко от темы не уходить и продолжил рассказ:

- Сам понимаешь, народ собрался у магазина на бесплатный-то спектакль. Один алкаш вдруг затрясся весь, упал на землю ничком и помер. Допился, в общем, человек, что тут скажешь. Хоть и алкаш, а жалко всё равно. Добрый он был и безобидный, со сдачи ребятам всегда конфеты покупал.

Эльгер вдруг замолчал, вспомнив давний рассказ отца о том случае. Леша, заинтригованный, уже просительным тоном настаивал на продолжении истории.

Рассказчик, польщённый вниманием, продолжил:

- Похоронили бедолагу, а потом и забыли про него. Пьяницы в лес больше не совались, но и остальной народ нечасто туда ходил – боялся всё же. А потом стали наши поговаривать, что опять что-то непонятное в лесу появилось. То есть не то чтобы совсем непонятное – а так, серединка на половинку, как мой батя говорит. То кто-то каркающих кабанов увидит, то кому-то померещится, что собаки разговаривают. Могли и привирать, конечно, но зачем такие слухи распускать, ума не приложу. Потом стали говорить, что видения эти никакие не сказки, - просто наши старые шаманы нашли когда-то в этом лесу место силы и там поселились, чтобы камлать вдалеке от простого народа. Они умеют не только выходить из себя, из тела своего, но и на случайных людей, встреченных ими во время обряда, насылать всякие страхи.

- А для чего им это? Развлекаются так, что ли?

- Вовсе нет. Им зрители и всякие случайные свидетели не нужны, понимаешь? Ведь с духом говорить не то же самое, что с каким-нибудь главою сельсовета тары-бары разводить. А если дух злой и людей ненавидит, то тем более нужно свидетелей опасаться. Вот они и внушают всяким зевакам, что те не человека видят, а каких-нибудь поющих обезьян или козлов на двух ногах. Понял?

- Ну да. А всё равно жутко.

- Жутко - ещё мягко сказано! Если бы я сегодня настоящего чёрта увидел, то не так бы испугался. Дальше, правда, дела пошли не очень интересные. Как стал народ болтать про шаманов, так наш сельсовет из штанов от злости выпрыгнул. Запретили всем распускать нелепые слухи, штрафами грозили, чтобы болтуны заткнулись. А только разве народу рот заткнёшь? Больше прежнего стали болтать. Тогда правление прислало из города целого лектора – чтобы он, как председатель сказал, «прочистил мозги» народу. Загнали всех в клуб, и лектор давай наяривать про невежество и примитивное сознание отдельных личностей. «Кто из вас, - спрашивает - верит в чёрта и всякую нечисть? Поднимите руки». Тут все как подняли руки, так что лектор этот чуть водой из графина не подавился. «Никаких чертей на свете нет! - закричал. - В бога надо верить, в бога!» Бабуся одна вскочила тогда и спросила его: «Если чёрта нет, то как я тогда поверю, что бог есть? Бог ведь, по-вашему, против зла, а разве чёрт не есть это самое зло?» Лектор рот разинул и не знал, что бабке ответить. Начал мямлить про какие-то секты, про упадок веры, а потом заявил, что шаманы – это вредители и бездельники, живущие за счёт народа. Тогда-то поняли все, для чего наш дурак-председатель выписал из города этого лектора и даже номер в гостинице ему оплатил. Для того, чтобы убедить народ не верить шаманам. Вот

дела – три тысячи лет, а может, и больше, верили им, а теперь по указке какого-то гриба замшелого перестанут верить! Народ повскакал с мест и убежал из клуба. Говорят, что даже хотели побить эту шляпу городскую, но тот вовремя смылся. Уехал на попутке, не стал ждать председателева уазика.

- Весело вы, оказывается, здесь живёте. А я вначале думал, что здесь со скуки помереть можно.

- Вот ещё! Скажешь тоже. Иногда и бывает скучно, особенно зимой. Но долго нам скучать нельзя, потому что со стадами вечная работа, отпусков у нас не бывает.

- Поэтому я тебе, братец, не завидую. Вся история на этом, про шаманов-то?

- Да почти вся. Председатель, в бок ему вилы, долго после случая с лектором дулся на народ, всякие козни замышлял от нечего делать. Такой уж он человек. Батя рассказывал, что от злости он даже запил, но ему начальство в районе пригрозило увольнением по статье, - он и бросил бутылку, хотя любил это дело. Решил иначе действовать, чтобы показать, что он незаменимый работник.

- И показал?

- Да уж, показал. Показал ещё раз всему посёлку свою дурь непроходимую. Наслал на нас попов аж из Иркутска. У нас сроду никаких попов не было – ни русских, ни ещё каких. Не приживаются у нас они. Шаманов у нас много, это да. Так ведь они здесь коренные жители, не пришлые. Говорят же русские, что со своим уставом в чужой монастырь лучше не соваться. А попы по незнанию взяли и сунулись. Как приехали, спросили они у нашего дурачка: где нам службы вести, ведь в посёлке даже часовни нет, не то что церкви. А он им: зачем вам церковь, на неё у нас средств нет, служите прямо в правлении или в клубе. Попы – всего их трое приехало, батюшка и двое служек – просто обалдели, но ничего председателю не возразили. Пошушукались между собой и сказали ему: мы, мол, можем первую службу вообще на улице провести, а вы к следующему нашему приезду хотя бы деревянную сторожку соорудите, а мы её освятим до лучших времён. Остались они ночевать. Утром пошёл председатель на завтрак их вести в колхозную столовку, глянь – а попов-то и след простыл! Умчались они ещё до петухов с перепугу.

- С какого перепугу?

- Вот это самое интересное. Говорили, что ночью к попам явились те самые черти, про которых лектор говорил, что их нет. Насчёт чертей точно не известно, но кто-то к попам действительно приходил. Сажей им двери вымазал, а главное

– подкинул козлиную голову.

- Ух ты!

- Вот тебе и «ух ты». Я на месте этих попов тоже испугался бы до нервного тика. В общем, оставили в покое наш посёлок. Здесь мы живём только по шаманьему велению, а прочие нам не указ.

Мальчики ещё немного поболтали про поселковые дела и пошли смотреть, как табунщики сгоняют овец с дневных пастбищ в кошары. Лёща внутренне успокоился – сам себя он убедил, что ничего страшного, в общем-то, он и Эльгер в лесу не увидели.

Когда вечер опустился на посёлок и мягкий лунный свет коснулся крыш саманов и покатых стен юрт, тогда мальчики, за этот день особенно сдружившиеся, пожелали спать вместе с остальными родственниками в семейной юрте, а не в зимнем тёплом доме, где отец Эльгера приготовил московским гостям комнату.

- Уже не боишься чертей местных? – в шутку спросил Эльгер брата.

- Пусть они лучше попов и председателя вашего боятся, - в тон ему ответил Лёша.

Взрослые сказали, что завтра будет большой праздник и приедут важные гости из самого Улан-Удэ.

- О, здорово! – обрадовался Эльгер. – Мяса поедим, посмотрим на борцов, может, и шаманы придут.

- Мяса? – Лёша удивился. – Так мы и так его каждый день едим.

- Это другое. Ты такого никогда в жизни не пробовал. Ел когда-нибудь козу, запечённую в собственной шкуре?

- Нет, не приходилось ещё. А что, вкусно это?

- Узнаешь! Когда узнаешь, наверняка добавки попросишь, - уверил брата Эльгер.

Утром братья с охотой побежали к клубу, где устраивалось торжество. На шумное веселье собрался поглазеть весь посёлок, от мала до велика, и мальчики, подчинившиеся общему приподнятому настроению, переходили от балагана к балагану, с удовольствием смотря на театральные номера, разыгрываемые уличными артистами – скоморохами, музыкантами, борцами, наездниками.

Подумалось Лёше неожиданно, что уличный театр, в котором играют не по долгу, а по сердцу, - не такая уж и колхозная самодеятельность, как думал он раньше.

Многое из уклада степняков уже казалось ему если не заслуживающим одобрения, то хотя бы близким и понятным. «Это гены, гены - повторял он про себя. - Никуда от них не денешься, - ведь я наполовину бурят».

От всего увиденного у него немного кружилась голова, но он был вполне доволен и даже желал, чтобы этот степной карнавал не закончился быстро, а продолжался до вечера.

Захотелось есть, просто волчий аппетит разыгрался у мальчишек, и они, не сговариваясь, ринулись к развалам, где продавалась всякая местная снедь. Попробовали всего понемногу: ароматной шурпы, саламата, жареной баранины, вяленой говядины, лапши с диким луком, запечённого в земляной бане козлёнка, пирожков с курдючным салом, запили всё это великолепие чаем с молоком и маслом.

«Эх, ел бы и ел, - мечтательно произнёс Лёша, - жаль, что желудок у меня как у котёнка, а то ведь только глазами всё и могу слопать». – «Э, и не говори! - поддержал брата Эльгер. – Только раззадоришься, а брюхо уже полное».

Оба брата втайне ждали главного действа, ради которого и пришли на праздник. Шаманов всё не было, - они, по всему видать, не любили большого скопления народа, а тут весь посёлок собрался и вдобавок прискакали зеваки из окрестных деревенек и кочевий.

Наконец появились и они. Шаманы шли, разодетые кто как, но большей частью на них были синие праздничные чапаны и малахаи, украшенные бубенцами и разноцветными лентами. В руках все держали бубны, которые при ударах издавали утробный долгий гул, - этот звук, словно извергаемый потусторонним невидимым миром, одновременно и пугал, и завораживал.

Народ расступился перед ними, и шаманы заняли всю площадь перед клубом, встали в круг и принялись ритмично бить в бубны, пританцовывая в такт ударам и напевая что-то непонятное тягучими низкими голосами.

Лёша был разочарован происходящим: он ожидал увидеть настоящее камлание, а не хорошо отрепетированную театральную постановку, от которой за километр тянуло сельповским маскарадом. «Сельповский маскарад» - так ехидно обозвал он этот псевдошаманский ритуал.

- Пойдём отсюда, - сказал он брату.

Эльгер понимающе кивнул.

Он решил поделиться с Лёшей новостью, которую ещё утром узнал от отца:

- Знаешь, ты прав. Не знаю, как ты это сам разглядел, без подсказки. Настоящие-то шаманы на эти сборища не ходят. А всё это битьё в бубны – так, водевиль для туристов. Я вот что узнал от бати: оказывается, один шаман, который нам роднёй приходится, - Сухэ его зовут – пришёл вчера вечером домой едва живой, повалился на землю перед дверью и чуть не помер. Сейчас лежит ни жив ни мёртв, дети его отварами отпаивают.

- А что с ним такое?

- Батя сказал, что шаманская болезнь. Такое с ними бывает, когда они надолго выходят из себя и говорят с нечистым духом. Понимаешь, на что я тебе намекаю?

Догадка внезапно озарила Лёшу. Всё он понял.

- Значит, это пугало, которое мы вчера увидели… это он и есть?! – чуть ли не прокричал он Эльгеру.

- Я тебе ничего такого не говорил. Лучше про это вообще молчать…ну, ты понял меня, кажется.

Лёша настолько был захвачен открывшейся тайной, что ни о чём другом и думать не мог. В Москву он уехал уже другим человеком – ещё не взрослым, но уже и не ребёнком.

ххх

Алексей очнулся от воспоминаний и посмотрел на брата уже благосклонно.

- Не обижайся, Эльгер. Я просто от неожиданности дал волю чувствам, - извинился он.

Они переночевали без происшествий, спокойно и буднично, как будто их ждало не опасное путешествие, а какая-нибудь обзорная экскурсия в комфортабельном автобусе, с гидом и обедом в ресторане. Утром так же спокойно все собрались, доехали молча до кочевья Эльгера, сели на коней и отправились в степь.

Путешествие

Начало путешествия запомнилось Алексею тем, что он и его спутники напряжённо молчали. Он с удивлением подметил, что не может сосредоточиться ни на одной конкретной мысли: его голова словно опустела, захваченная каким-то разбродом, обрывками ничего не значащих и не имеющих смысла фраз. Он жутко злился, что не может заставить себя думать. Все его мысленные ощущения сводились к тому, что он должен следовать за Эльгером по пыльной дороге, не имея представления, куда и зачем он едет. Он посмотрел на своих товарищей и понял, что и они испытывают то же чувство неопределённости. Они ехали, послушные чьей-то неведомой воле, и этот кто-то железной хваткой удерживал в нужном ему русле их сознание.

Алексей потерял ощущение времени: ему казалось, что не только минуты, но и часы уже не имеют никакого физического значения, что время как будто провалилось куда-то. Он посмотрел на Эльгера, и тот понял брата без слов.

- Эльгер, куда мы едем? - спросил Алексей. - Сам-то ты знаешь, зачем мы здесь?

Эльгер вместо ответа лишь пожал плечами. Алексей ничуть не удивился столь странному поведению кузена: он уже свыкся с мыслью, что тащиться по этой проклятой степи ему придётся целую вечность.

Степь молчала, словно оглушённая, и от этой тишины на душе у путников было жутко. Алексей вдруг ясно ощутил, что их бесцельный вояж чем-то сродни похоронной процессии и что он в угоду чьей-то изощрённой фантазии едет сам себя хоронить. Он сделал усилие, чтобы отогнать эту мысль, и опять заговорил с Эльгером:

- Как странно, брат, что я твой родственник, - мы ведь совершенно не похожи. Ты всю жизнь провёл здесь, среди этих богом забытых холмов, а я где только не побывал, - даже в Непал прошлым летом слетал. Везде жизнь кипит, а здесь словно заснула и просыпаться не хочет.

- Что же тут странного? - удивлённо спросил в свою очередь Эльгер. – Или ты забыл, что твоя мать и мой отец - родные брат и сестра? Ты унаследовал европейскую внешность от своего русского отца и на нас, свою родню по материнской линии, надо признаться, совсем не похож. Что же касается твоей столичной жизни, то я всегда знал, что она ничего не изменит в твоей судьбе. У русских есть пословица: «Судьба и на печке отыщет». Так, кажется, она звучит?

Алексей неожиданно для себя самого разозлился. Какое право имеет этот немытый абориген учить его? Он злился и на себя, понимая, что Эльгер в чём-то очень важном прав, но в чём именно? Загадка его безвольного приезда в этот пустынный край мучила его, и он, перебирая в уме все возможные мотивы своего поступка, отметал их один за другим, потому что логического объяснения этого путешествия в никуда просто не существовало. Он ощутил себя совсем одиноким и всеми покинутым. Всё, что раньше он считал важным для себя, казалось ему сейчас никчемным и глупым, как будто кто-то другой, безалаберный и бесцельный, прожил за него всю его предыдущую жизнь. Он взглянул на своих товарищей и в каком-то мысленном тупике отметил, что все они превосходно держатся в седле, хотя он знал наверняка, что никто из них раньше и близко к лошади не подходил. «Вот это да! - подумал он отрешённо, - да я и сам великолепный наездник: лошадка-то подо мною словно мысли мои читает, чувствует меня, точно я ей родной. Что же это за чертовщина такая, прости господи!»

Дорога, раньше уходившая прямой стрелой в простор степи, вдруг запетляла и пошла под откос, по пологому каменистому холму. Алексей почувствовал запах тины. «Вероятно, где-то внизу течёт река или ручей», - подумал он и привстал в седле, чтобы взглянуть вниз и проверить своё предположение. Он увидел, что за поворотом холма, в лощине, тонкой извилистой лентой тянулся ручей.

Путники все разом резко повернули к изгибу и спустились к берегу ручья. У самой кромки воды они слезли с лошадей и пошли в след друг другу. Они шли не разговаривая, глядя себе под ноги, как очень уставшие люди, хотя все они чувствовали себя на удивление бодро, будто и не было у них за плечами долгих скитаний по степи.

За изгибом холма показался низкий грот, весь зелёный от сырости. У порога грота сидел сморщенный карлик. На его уродливом лице-маске были заметны следы трупного разложения, и, если бы не глаза, горевшие сатанинским огнём, его можно было бы принять за покойника, оставленного без погребения. Алексей первый увидел жуткого урода. «Вот мерзкая харя!» - подумал он и удивился тому, что душа его оставалась спокойна и сердце не сжал страх при виде старика. Он подошёл к карлику и посмотрел прямо ему в глаза.

- Кто ты? - спросил Алексей смело.

- Не слишком ли дерзко ты начинаешь разговор? - огрызнулся тот в ответ.

Алексей увидел, что злоба переполняет старика: тот готов был разорвать его на части, но что-то мешало ему сделать это. От бессилия осуществить желаемое

карлика трясло, и он кусал губы, сдерживая себя. С минуту оба они молча изучали друг друга. И вот Алексея озарило: «Он ждёт моего желания! Пожелай я сейчас что-нибудь неразумное, и он мигом отправит меня в ад. Моими же руками хочет погубить меня! Ну погоди же, чёртова тварь, я ещё разберусь с тобой!»

Каким-то неземным чутьем карлик почувствовал, что Алексей догадывается о его планах. Он вдруг смягчился и уже мирно заговорил с ним:

- Ты, я вижу, отважный и умный человек. Встречаются и среди людей достойные говорить со мной на равных! Так зачем же нам ссориться? Ты устал с дороги, а я устал ждать тебя. Если бы знал ты, как долго я ждал этого часа!

Карлик встал с камня и жестом радушного хозяина пригласил путешественников войти в своё логово. Он повёл их в грот и затараторил гнусным голосом:

- Будьте моими гостями и помните: любое ваше желание - закон для меня. Вы и представить себе не можете, что я могу сделать для вас!

Алексей усмехнулся. Он улучил мгновение, когда карлик на несколько шагов опередил его, и вполголоса заговорил с друзьями:

- Не заговаривайте с ним и ничего не желайте, что бы он ни попросил сделать для вас!

Товарищи молча кивнули ему в ответ. По выражению их лиц он понял, что они полностью положились на него. Откуда и от кого могли они ждать помощи? Ясно было, что мерзкий старик готовит им ловушку, и только на Алексея оставалось им молиться в надежде выбраться из этого мрачного места живыми и невредимыми.

Они вошли внутрь проклятого грота, и могильная тьма разом окутала их. В глубь грота вели скользкие ступени, образовывавшие подобие винтовой лестницы, которая поднималась на невероятную высоту. Трудно было представить снаружи, что такой приземистый с виду каменный мешок, каким казался грот, мог вместить в себя столь внушительных размеров пещеру, к тому же простиравшуюся на бог весть какое расстояние.

Карлик бойко взбирался по ступеням наверх, и Алексей едва поспевал за ним. «Только не оступись, не упади с этой кручи!» - думал он, и сердце бешено колотилось в его груди.

Он инстинктивно придерживал шаг, стараясь набрать в грудь как можно больше воздуха. Мысли о предстоящем разговоре с сумрачным хозяином грота одна за другой проносились в его голове. Что приготовил карлик для него? Он услышал

где-то вдалеке рёв водного потока, падающего, судя по силе грохота, с огромной высоты, и стал ещё более осторожно подниматься наверх.

Карлик неожиданно свернул в сторону. Алексей остановился, посмотрел направо от себя и похолодел: вниз, в чёрную бездну грота, нёсся горный водопад, и сила его была такова, что бешено закипающая у последнего порога вода срывала прижимавшиеся к краю огромные камни и несла их к обрыву, словно пушинки.

Алексей отыскивал в предательской темноте притаившегося где-то поблизости карлика. Не страх, а гнев и презрение испытывал он к коварному недомерку, и карлик почувствовал его состояние: он вынырнул из темноты, оглядел насмешливо Алексея и его товарищей, а затем, не говоря ни слова, продолжил бег по адской лестнице.

Впереди неясно забрезжил то ли туман, то ли тусклый свет фантастического зеленоватого оттенка, и Алексей облегчённо вздохнул. Тьма прекратилась так же внезапно, как и началась, и вот путешественники увидели панораму самого сердца таинственного грота. Они стояли посреди огромного зала, залитого неземным светом. Размеры всего, что находилось в нём, были так нереально велики, что им показалось, будто они находятся на далёкой неведомой планете. Алексею почудилось, что и карлик вырос в размерах. Его жуткая гримаса стала грозной, как у великого древнего царя. Карлик чихнул и властно осмотрелся вокруг. Он был явно доволен произведенным на гостей эффектом и почти милостиво обратился к ним:

- Не правда ли, ничего более великолепного вы не видели на Земле?

Алексею захотелось сказать что-нибудь дерзкое карлику, но он сдержал себя и лишь молча кивнул ему в ответ.

А тот продолжал:

- Я люблю это место. Оно далеко от суеты и мнимого величия людишек. Впрочем, вы сами скоро убедитесь в этом. Не буду больше томить вас ожиданием, - ведь как хозяин я должен быть внимателен к желаниям своих гостей. Вы, конечно, очень голодны. Шутка ли - целый день в пути! Не желаете ли поужинать со мной?

Товарищи в замешательстве взглянули на Алексея, не зная, как им повести себя. Они помнили его наказ и растерянно молчали, стараясь не смотреть на карлика. Тот в злобном напряжении ждал ответа и, не дождавшись его, притворно-благодушно улыбнулся и обратился к Алексею:

- Я знаю, что тебя переполняют вопросы. Так не стесняйся, спрашивай! Я не тащил тебя к себе на аркане, ты сам явился. Чего же ты хочешь?

- Ты спрашиваешь, чего я хочу? Я желаю знать, к кому я пришёл и что тебе нужно от меня. И не пытайся навязать мне мысль, будто я сам пожелал встречи с тобой! - взъярился Алексей.

Карлик недовольно потер руки и зашипел ему в ответ:

- Как глупы и самонадеянны люди! Миллионы лет я скитался по тёмным мирам и сам себе был хозяин, пока однажды тот, кто объявил себя создателем мироздания, не запер меня на этой мерзкой планетке. Однако он просчитался, думая, что я покорюсь его воле! Человеческая раса слеплена из грязи, грязью и останется. Одно только печалит меня: я, способный смести, как дорожную пыль, любого из вас, поставлен в зависимость от людских дурацких желаний. Так желайте же, что вашей душе угодно! История ещё не преподнесла мне ни одного неожиданного сюрприза: все, кто был здесь, гибли не по моей прихоти, а по собственному скудоумию. Ты желаешь знать, кто я? Так знай же: я - Акира. На горе себе ты узнал моё имя!

«Эге! - подивился Алексей коварству старика, - так вот что ты за штучка! Но не на того ты напал, старое корыто, - я не из робкого десятка. Душу я из тебя самого вытрясу, если захочу. Ещё посмотрим, кто первым пятки салом смажет».

Он посмотрел на Акиру, который вертелся волчком на месте и бубнил что-то под нос себе, и спросил его с усмешкой:

- Скажи, Акира, что есть добро и зло? Если ты называешь себя богом, то тебе нетрудно будет найти ответ на этот вопрос.

Акира посмотрел на него с изумлением. Любой каверзы ожидал он от этого нахального мальчишки, но только не такой.

Подумав, он ответил:

- Когда-то давно один человек спросил меня о том же. Он надолго уходил в пустыню, чтобы забыть о своей тоске. Скажу по совести: он не боялся ничего на свете. Я не дал ему ответа, потому что предвидел его будущее. Тогда ещё я понял, что он сам - самый тяжкий крест для себя, потому что невыносимо тяжело человеку жить под грузом божественных откровений.

Алексей оживился.

- Не о пророке ли Мухаммеде идёт речь? - спросил он карлика.

Тот затрясся в ответ, припомнив в деталях ту незабываемую встречу в аравийских песках, - она озлобила его настолько, что всякий раз, когда он восстанавливал в памяти образ богоподобного араба, он желал стереть в порошок весь род людской.

Алексей с радостью заметил, как уязвлен Акира, и решил продолжать свои расспросы. Ему не давала покоя тайна его путешествия, и он, не откладывая в долгий ящик этот мучивший его вопрос, спросил Акиру напрямик:

- Скажи мне правду: зачем я и мои товарищи здесь? Почему ты выбрал нас?

Карлик долго молчал, не давая ответа. По тёмным садам истории бродила его душа, но нигде не находила она радости, - один только мрак окружал её.

Наконец Акира ответил :

- Я знаю, что вы, люди, не помните родства, - уж так вы устроены. Я уверен, что ты понятия не имеешь, кем был, например, твой прадед. Каждый из вас считает только себя неоценённым достоянием истории. Так вот: один твой предок имел наглость возомнить о себе бог весть что. Он заставил меня пережить горькие минуты!

- Чем же он так насолил тебе?

- Он посмел улизнуть от меня! Страх так скрутил его, что он забыл, зачем вообще выехал в степь. Это беспамятство и спасло его. Но он не избежал моей кары! - произнеся эти слова, карлик напыжился довольно, и подобие улыбки скользнуло по его мерзкому лицу. - Я наказал его за неуважение ко мне. В конце концов он трусливо покончил с собой, и ни одна душа из числа его убогих соплеменников не вспомнила о нём.

Волосы на голове Алексея зашевелились от услышанного. Он почувствовал, что стоит в трёх шагах от смерти, и вот она, его смерть - стоит и осатанело скалится, предчувствуя скорую его гибель!

За мгновение вся его жизнь вспомнилась ему, - даже самые её мелкие и заурядные подробности, когда-либо запавшие ему в душу, сейчас ярко и полно прошли перед его глазами. Он вспомнил всех, кому когда-либо сделал добро, и пожелал им счастья; затем, как в замедленной съемке, перед ним предстали образы тех, кому он причинил зло или пожелал его сделать, и волна искреннего раскаяния охватила его. Он просил всех этих людей простить его. Алексей вспомнил, как однажды седой профессор психологии, прошедший войну, рассказал ему о своих печальных наблюдениях на фронте. Он видел, как

умиравшие бойцы, испытывавшие непереносимые физические страдания, в последние секунды жизни просили не скорой смерти, а прощения у всех, кому они когда-то причинили боль, и лица у них в те мгновения были подобны божественным ликам на иконах. Тогда Алексей не поверил рассказу профессора. Сейчас же, стоя на пороге собственной гибели, он мог поклясться самым дорогим для себя, что не испытывал ужаса смерти, а желал только одного - счастья и мира в душе всем, кто был дорог ему.

Акира, видимо, догадался о чувствах Алексея и в нетерпении спросил его:

- Может быть, ты желаешь что-нибудь необычное? Поторопись, а то я теряю терпение!

Алексей с удивлением обнаружил, что не чувствует своего тела. Он словно наблюдал себя со стороны, и это ощущение не показалось ему в тот момент странным, - более того, он вдруг почувствовал невероятную для себя лёгкость. Губы его помимо его воли сложились в насмешливую улыбку, и он ответил Акире отчетливым ровным тоном:

- Желаю, чтобы ни мне, ни моим товарищам ты не причинил вреда. Я желаю доехать до дома и забыть о твоём существовании.

Акира презрительно поджал губы и выдавил из себя:

- Ничего оригинального нет в твоей голове. Я ожидал большего от талантливого математика, каким, я знаю, тебя считают в университете. Вот что я скажу тебе: обо мне ты можешь забыть, но о себе-то помнить будешь всегда! Свой страх ты унесёшь с собой. И вот ещё что: твой несчастный предок дошёл до Москвы, не тронутый ни единой стрелой русских. Посмотрим, так ли счастливо сложится твоё возвращение в столицу!

Акира завертелся на месте, как ужаленный, а затем исчез во мраке грота. Алексей понял, что освобождён от присутствия карлика, однако его сознание продолжало блуждать отдельно от тела. Он не помнил, как вывел товарищей из грота, как они сели на коней и поскакали прочь из мёртвой степи.

Поздно вечером путники вернулись в кочевье. Эльгер расцеловался с Алексеем на прощание и ободряюще ему улыбнулся.

- У тебя все будет хорошо, брат, - сказал он уверенно. - Теперь я не сомневаюсь в этом.

- А разве ты не был уверен в благополучном исходе нашего путешествия? - изумился Алексей.

- Я ни в чём не был уверен, - оттого и молчал всю дорогу. Иногда, знаешь ли, лучше помолчать, - произнес Эльгер задумчиво и продолжил:

- Но сейчас я уверен в тебе: ты проявил мужество и не уступил карлику. Теперь же забудь о нём и о его угрозах. Завтра утром с товарищами улетай в Москву. Вот, возьми билеты и, как говорится у вас, русских, не поминай меня лихом.

С этими словами он вышел из юрты. Алексей вздохнул и первый раз за два последних дня улыбнулся. Ему стало легко на душе от дружеских слов брата. "А теперь домой!" - сказал он себе с лёгким сердцем.

В юрту вошли его друзья. Сборы их были недолгими: они выпили по кружке кумыса, распрощались с гостеприимными своими хозяевами и сели на коней. Стрелой полетели они по пыльной немой степи и лишь иногда, пережидая порывы ветра, принуждали коней переходить на шаг. Глубокой ночью все четверо наконец приехали в город.

Они переночевали в гостинице, а утром сине-белый лайнер Аэрофлота уже нёс их над просторами России в Москву.

Столица встретила Алексея проливным дождём и туманом, но это не испортило его настроения. Какая-то потаённая мысль, прочно обосновавшаяся в его голове, заставила его сосредоточиться настолько, что он не замечал ничего и никого вокруг. Переступив порог своей уютной квартиры на Остоженке, он сразу прошёл к себе в комнату и сел за компьютер. Родители, слышавшие звук отпираемой входной двери, вышли в коридор и в недоумении посмотрели на запертую комнату сына. Они не стали беспокоить Алексея расспросами о неожиданном его путешествии в Сибирь и столь же неожиданном возвращении.

Уже три года, с первого курса университета, их сын был вполне самостоятельным молодым человеком и довольно редко посвящал их в свои дела. Он вовсе не был по натуре замкнутым и необщительным, - нет, просто он считал, что уже переступил порог, разделявший его детскую и взрослую жизнь, а раз так, то он должен быть самодостаточным. Он полностью взял на себя ответственность за всё, что совершал, и это одновременно радовало и печалило его родителей.

- Мальчик устал с дороги, не будем ему мешать, - сказал отец тихо.

- Наш мальчик уже вполне мужчина, - ответила ему мать.

Они ушли в гостиную, решив, что их сын сам им всё расскажет о своём вояже, если сочтёт нужным это сделать.

Алексей, сев за компьютер, забыл о времени. Он плавал по океану интернета, подчинив свои мысли задуманной цели, и постепенно стал ощущать себя не Алексеем Соболевым, студентом университета и столичным жителем, а кем-то, кого он когда-то очень давно безотчётно знал и кто не раз являлся ему в смутных видениях детства, - этот кто-то точно знал, что нужно сейчас ему делать.

Утром он явился в университет. Едва дождавшись окончания лекций, он убежал в библиотеку.

- Мне нужна вся имеющаяся у вас литература о походах чингизидов, - сказал он библиотекарю.

Пожилой библиотекарь с любопытством посмотрел на него.

- А на каком факультете вы обучаетесь? - спросил он Алексея.

- На физико-математическом, - ответил тот.

- Вот как! Осмелюсь спросить вас, молодой человек: зачем вам чингизиды?

- Это моё хобби. С некоторых пор я увлекаюсь историей. Очень занимательная штука!

Алексей взял стопку томов, которые приготовил для него любопытный старик, и ушёл в самый дальний угол библиотеки. Он читал толстенные фолианты, карандашом помечая что-то у себя в блокноте, пока за окнами не стемнело и уборщица не стала нетерпеливо греметь ведрами, ожидая ухода последних посетителей.

Алексей поднял голову от книг и в изумлении осмотрелся. Он был один в зале. «Вот это я поработал! - подумал он. - За один вечер всё равно не найду то, что ищу. Завтра приду опять».

Больше месяца с того дня Алексей ходил в читальный зал. Домой он возвращался поздно вечером и ложился спать только за полночь. Он оставил все развлечения, которым ещё совсем недавно отдавал всё свое свободное время: забыты были походы в любимое кафе и вечеринки у друзей, выезды на природу и даже дружеские посиделки в парке около университета.

Сокурсники живо обсуждали резкую перемену в нём. Те из них, кто был дружески привязан к Алексею, решили, что его постигла несчастная любовь и с горя он весь ушёл в учебу; большинство же остальных без тени сомнения записало его в сумасшедшие. "У него крыша поехала, - шептались они за спиной

Алексея, - совсем с катушек съехал от своей математики. Даже нас, своих товарищей, забыл!"

Вначале друзья пытались узнать у Алексея причину столь странного его поведения, но он лишь отшучивался, не раскрываясь перед ними. Наконец им надоели расспросы, не дававшие никакого результата и не прояснявшие ничего, и они махнули рукой на Алексея.

А он наконец понял, что только смелостью и желанием превозмочь злые чары ему не одолеть мерзкого карлу, - нужна хитрость, нужна особая тактика общения с ним. Ведь не бог же он, в самом деле. Он случайно вспомнил один короткий эпизод из истории чингизидов и решил взять на вооружение некоторые их тактические приёмы, а вернее, неимоверную азиатскую хитрость, с помощью которой они не раз одерживали верх над простодушными народами.

Дело было давно, в пору ордынского ига на Руси. Знаменитый ордынский князь Эдигей (Едигей), один из сподвижников Тамерлана, победитель Витовта, заправлявший всеми делами в Золотой Орде, в начале пятнадцатого века был уже не так силён в результате начавшихся междоусобиц среди мелких ордынских князей. Оскудевшая Золотая Орда была уже не страшна великому московскому князю Василию Дмитриевичу, и он постепенно перестал платить дань хану. Хитроумный Эдигей уже не осмеливался нападать на Москву в чистом поле.

Только от хитрости он ждал успеха. Он дал знать великому князю, что идёт на Витовта, а сам очень быстро устремился к Москве. Московский князь Василий Дмитриевич был застигнут врасплох. Он с княгиней и детьми спешно уехал в Кострому, оставив вместо себя защищать Москву своих родственников. Чтобы лишить татар приюта у стен московского Кремля, дядя великого князя, Владимир Андреевич, велел сжечь посады вокруг Кремля. Несколько тысяч домов запылали одновременно, огонь поглотил всё вокруг.

30 ноября 1407 года показались вдали татары, а 1 декабря пришёл сам Эдигей и стал в Коломенском. Тут же он послал 34-тысячный отряд в погоню за великим князем, но не успел догнать его. Татары со всех сторон обложили Москву. Эдигей разослал в разные стороны отряды, которые опустошили Переяславль, Ростов Великий, Дмитров, Серпухов, Верею, Нижний Новгород, Городец, Клин. Много народу погибло от татар, много и от жестокого холода и вьюг.

Находясь целый месяц у стен Кремля, Эдигей не мог взять его приступом и решил зимовать, чтобы принудить москвичей сдать город в результате неизбежного голода.

Вдруг пришла к нему весть из Орды от хана, чтоб шёл немедленно домой, потому что какой-то ордынский царевич напал на хана. Осажденные в Кремле москвичи ничего не знали об этом. Когда Эдигей послал к ним мирное предложение отступиться от осады за выкуп, они с радостью заплатили ему три тысячи рублей за отступление. Эдигей спешно поднялся и вышел из русских пределов, взяв и разграбив по дороге Рязань.

«Используй ум, включи смекалку, смелость подмога им», - подумал повеселевший студент.

Возвращение

Наступил октябрь. Алексей всей душой любил эту тихую задумчивую пору, особенно почему-то прелестную и трепетную в вечно шумной Москве. Он гулял по любимым с детства закоулкам Остоженки, размышляя о чём-то. Эти его размышления уже не были сумбурными и нервными, как в первые дни после возвращения из Сибири. В один из таких тихих погожих дней наконец-то пришло к нему озарение, и счастливая улыбка осветила его лицо. Он решил ещё раз посетить дикую степь.

Через неделю он вновь оказался в знакомом ему кочевье, но брата там не застал, - тот уехал в город по делам. Юрту брата занял какой-то его родственник, который встретил Алексея настороженно.

- Вы не подумайте ничего плохого, - вступил в переговоры с ним Алексей. - Я двоюродный брат Эльгера. Задерживаться я здесь не собираюсь. Мне от вас нужна лишь лошадь на два-три дня, и только.

- А зачем, парень, тебе лошадь? Свалился на мою голову неизвестно откуда, и на тебе - лошадь ему подавай. А у Эльгера лошади не казённые, чтобы их направо и налево раздавать.

- Да вы не сомневайтесь, - я заплачу за кобылку хоть сейчас. Цену сами назовите, - продолжал уговаривать Алексей неуступчивого кочевника.

Тот, услышав от Алексея про деньги, сразу подобрел, но все же в пику московскому гостю решил продолжить словесную баталию:

- Ишь ты - «заплачу хоть сейчас, цену сами назовите», - передразнил он Алексея. - Сразу видно, что столичная штучка к нам пожаловала. Деньгами соришь не глядя. А мне интересно знать, куда это ты собрался ехать?

- В степь за курганами, - ответил Алексей.

Кочевник, услышав ответ, аж подпрыгнул с места.

- Тогда бери лошадь хоть сейчас, а расплатишься после, как вернёшься. Если, конечно, вернёшься.

- Почему вы так говорите? - удивился Алексей.

- А потому, что только сумасшедший за собственные же деньги поедет искать на свою дурную голову приключений в мёртвую степь, - ответил кочевник.

Он помолчал немного и продолжил:

- Это место в последнее время совсем какое-то бешеное стало. Мы-то его обходим стороной, а лезут туда умники вроде тебя, по незнанию или же по пьяному делу. Недавно туда ветеринар из города ушёл, да так и сгинул с концами. Впрочем, туда ему и дорога, пьянице проклятому, но всё же интересно - куда он провалился? Третий месяц ни слуху ни духу о нём.

Кочевник ещё долго распространялся о гибельном месте в степи, но Алексею надоело его слушать. Он взял лошадь из табуна Эльгера, на которую указал ему словоохотливый родственник брата, и через час уже был на пути в мёртвую степь.

Он ехал по пыльной дороге с лёгким сердцем и сам себе удивлялся: куда улетучились все его страхи и сомнения? Теперь перед ним была ясная цель, и он нисколько не боялся осуществить задуманное, хотя совсем недавно думал об этом с замиранием сердца. Вот наконец показалась ему знакомая балка, на дне которой круто изгибался гнилой ручей. Алексей спустился к ручью, спешился и повёл лошадёнку под уздцы по знакомой дороге к мрачной горной пещере. Всё так же, как и летом, когда Алексей с друзьями побывал здесь, сидел у входа в грот безобразный старик. Они молча встретились взглядами, и Алексей решил заговорить первым:

- Что, старое корыто, долго ждал случая поквитаться со мной? Так вот он я, сам пришёл, как видишь.

- Ты ещё жив, щенок? Тогда говори, зачем явился ко мне, - потребовал Акира.

- Не торопись угрожать мне, старый джинн. Знай, что я разгадал твою природу. Она показалась мне отвратительной и жалкой, хотя о себе ты другого мнения. Но я не ругаться с тобой пришёл.

- А зачем же?

- Сейчас узнаешь. Но для начала ответь мне на вопрос: хорошо ли ты знаешь историю этих мест и племён, некогда посещавших их?

Акира посмотрел на Алексея с нескрываемым любопытством, медля с ответом, но затем всё же ехидно заявил в ответ:

- Ты не умнее своего немытого предка! Тот хотя бы понимал меру своего ничтожества, а ты, нахватавшись вершков, смеешь судить обо мне, как будто ты родня Создателю. Я был здесь уже тогда, когда ваше полудикое человечество ещё подражало обезьянам и бегало по горам неприкрытое!

- Тогда, Акира, ты можешь без труда исполнить мое желание. Только не думай отказываться от него!

Акира весь невольно напрягся и в нетерпении стал торопить Алексея:

- Давай же скорей говори свое желание! Чего ты ждёшь?

Но Алексей не торопился. В последний раз смотрел он на Акиру, понимая, что через несколько мгновений это жалкое сумеречное создание навсегда исчезнет из его жизни.

- Хорошо, Акира. - наконец произнёс он. - Вот моё желание: я хочу, чтобы ты вспомнил августовские события 1237 года, связанные с первым походом Бату-хана на Русь. Припоминаешь ли ты их? Вспомни жаркий летний вечер накануне переправы ханского войска через Итиль. Голодны ли были ханские нукеры?

- Да уж, нечего сказать, - голодны они были, как дикие степные псы. Бату приказал отправить в степь по отряду из каждой тысячи. Они должны были пригнать в лагерь жирных половецких барашков, но добыча оказалась невелика. Половцы за месяц до прихода Бату ушли в северные кочевья или же перебрались к русским, так что Батыевы вояки остались с носом. Вот они и рыскали по степи в поисках тех, кто не успел от них удрать, - да таких, по правде сказать, было мало.

- Отряд однорукого Сундэ нашёл вместо тучных половецких стад твою гнилую нору?

- Да ты, я вижу, посвящён в дела тех давних дней. Да, все так и было. Сундэ и весь его отряд погибли здесь, спаслись лишь четверо нукеров, в числе которых был и твой предок. Но не я был причиной гибели всех этих людишек. Они нашли то, что искали.

- А ты только помог им в этом. Я же хочу от тебя вот чего: отсчитай с этого момента ровно семьсот пятьдесят лет назад и вернись в прошлое на берег реки Итиль днём восьмого августа 1237 года. Я желаю, чтобы багатур Сундэ со своей отважной сотней вечером того дня поскакал не на юг от лагеря Бату, а в другую сторону, на север, и вернулся в расположение своей тысячи благополучно.

Алексей закрыл глаза. Через мгновение из сознания юноши навсегда исчезли и жуткий Акира, и образ воинственного его предка, так печально закончившего свой земной путь. Никогда больше не тревожили Алексея аффектные фигуры, возникшие однажды в сумерках его разума, и он благополучно забыл о них.

Лишь тёмные курганы в дикой степи да песни шаманов, доживающих свой век в отдалённых кочевьях бескрайней монгольской равнины, хранят ещё память о прошлом великих кочевых народов, населявших некогда эти просторы, и о злом гении этих мест, жестоком и властном, однажды пожелавшем управлять судьбой человечества, но сброшенном волею человека в колодец забвения.